

УДК 323.2(569.3)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/26-3/03>*Родецкий И.А.*

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДВИЖЕНИЯ «ХЕЗБОЛЛА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЛИВАНА: МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ И ЭВОЛЮЦИЯ ОРИЕНТИРОВ (1982–2016 гг.)

I.A. Rodetskii

THE INSTITUTIONALIZATION OF THE HEZBOLLAH MOVEMENT IN THE LEBANESE POLITICAL SYSTEM: ADAPTATION MECHANISMS AND EVOLUTION OF GUIDELINES (1982–2016)

Аннотация. Статья посвящена исторической реконструкции процесса трансформации Хезболлы – одного из крупнейших и наиболее активных исламистских движений Леванта – от маргинализованного военного ополчения к системной политической партии. Целью статьи является анализ динамики развития движения и выявление механизмов адаптации Хезболлы к политической системе Ливана в 1982–2016 гг. Методология исследования основывается на принципах историзма и применении историко-генетического и сравнительно-исторического методов. Основа источниковой базы представлена программными документами Хезболлы 1985 г. и 2009 г. В результате исследования процессов и анализа программных документов автор приходит к выводу, что интеграция движения в институциональное поле Ливана привела к принятию Хезболлой реалий системы конфессионализма и трансформации идеологии в сторону прагматизма и национализма. На основании программных документов автор доказывает качественное изменение идеологии Хезболлы: религиозно-ориентированный манифест 1985 г., провозглашавший целью исламское государство и свержение системы конфессионализма, сменился программой 2009 г., принимающей политическую данность и оперирующей терминами гражданства, нации, национальных интересов и консенсусной демократии. В практическом плане трансформация Хезболлы привела к переходу от декларативного отказа движения от взаимодействия с ливанской политической системой к разделению военного и политического крыльев, прямому включению последнего в нее, участию в парламентских выборах и организации политических коалиций. Ввиду того, что Хезболла не отказалась от исламских (религиозных) и исламистских (идеологических) элементов, а трансформировала их в инструменты поддержания исламского облика и легитимации

Abstract. The article provides a historical reconstruction of the transformation of Hezbollah – a major Shia Islamist actor in the Levant – tracing its evolution from a marginalized militant group into a systemic political party. The study analyzes the movement's dynamics and identifies the mechanisms of its adaptation to the Lebanese political system between 1982 and 2016. Methodologically, the research relies on historicism, as well as historical-genetic and comparative-historical approaches, utilizing Hezbollah's key policy documents from 1985 and 2009 as primary sources. The author argues that Hezbollah's integration into the Lebanese political arena led to its de facto acceptance of the confessional system, driving an ideological shift toward political pragmatism and nationalism. This institutionalization was facilitated by the movement's capacity for strategic adaptation within the existing political landscape. Based on a comparative analysis of its manifestos, the author demonstrates a profound evolution in Hezbollah's doctrine. The religiously oriented 1985 Open Letter, which called for the establishment of an Islamic state and the overthrow of the confessional order, was superseded by the 2009 Political Document. The latter acknowledges Lebanon's political realities, embracing concepts such as citizenship, nationhood, national interest, and consociational democracy. In practical terms, this transformation prompted Hezbollah to abandon its rejection of the state, separate its military and political wings, and directly integrate the latter into the constitutional process through parliamentary elections and tactical alliances. Concurrently, because Hezbollah did not abandon its religious (Islamic) and ideological (Islamist) foundations, but rather repurposed them to maintain its Islamic identity and

собственного статуса, автором выдвигается тезис о гибридном характере организации, сохранившей внешне исламистский характер при фактическом политическом прагматизме.

Ключевые слова: политическая система, институционализация, механизмы адаптации, Хезболла, Ливан, Левант, Ближний Восток, ливанский конфессионализм, исламистские движения, шиизм, гибридные организации, Таифские соглашения, система конфессионализма.

Сведения об авторе: Родецкий Илья Александрович, ORCID: 0009-0007-5956-7449, Российский государственный гуманитарный университет, Россия, г. Москва, ilya.rodetsky@gmail.com

legitimize its status, the author advances the thesis of the organization's hybrid nature. The movement retains an outwardly Islamist character while being effectively guided by political pragmatism.

Keywords: political system, institutionalization, adaptation mechanisms, Hezbollah, Lebanon, Levant, Middle East, Lebanese confessionalism, Islamist movements, Shia Islam, hybrid organizations, Taif Accords, confessionalism system.

About the author: Ilya A. Rodetskii, ORCID: 0009-0007-5956-7449, Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow, ilya.rodetsky@gmail.com

Родецкий И.А. Институционализация движения «Хезболла» в политической системе Ливана: механизмы адаптации и эволюция ориентиров (1982–2016 гг.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2026. №3(75). С. 34-48. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/26-3/03>

Rodetskii, I.A. (2026). The Institutionalization of the Hezbollah Movement in the Lebanese Political System: Adaptation Mechanisms and Evolution of Guidelines (1982–2016). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (3(75)), 34-48. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/26-3/03>

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались для Ближнего Востока и Леванта трансформацией исламистских движений, обусловленной как внутристрановыми социально-политическими процессами, так и региональной военно-политической обстановкой. Одним из наиболее активных исламистских движений региона оказалась Хезболла – организация, базирующаяся и действующая в Ливане, стране с крайне сложной этноконфессиональной обстановкой, которая становится причиной большого количества политических кризисов и вооруженных конфликтов практически с самого момента получения Ливаном независимости. Появившись как радикальная военизированная группировка, Хезболла прошла процесс постепенной интеграции в правовое поле Ливана уже как системная политическая партия, что обеспечило прагматизацию деятельности организации.

Методология исследования базируется на принципах историзма и специальных методов исторического познания: для анализа эволюции движения используется историко-генетический метод, позволяющий реконструировать процесс институционализации Хезболлы в 1982–2016 гг. Нижней границей хронологического периода принимается год, считающийся датой создания Хезболлы. В качестве верхней границы принят год завершения двухлетнего политического кризиса, который был спровоцирован бойкотом президентских выборов со стороны шиитской Хезболлы и христианского Свободного патриотического движения (далее – СПД). После 45 неудачных заседаний парламента один из лидеров противоборствующего политического блока, Саад аль-Харири, принял кандидатуру Мишеля Ауна, кандидата от СПД и союзника Хезболлы, что ознаменовало их

победу в кризисе и стало моментом окончательной институциональной легитимации Хезболлы.

Программные документы движения рассматриваются при помощи сравнительно-исторического анализа, демонстрирующего изменения в риторике и идеологии Хезболлы. Литературной базой настоящего исследования выступают монографии и научные статьи отечественных и зарубежных авторов. В академической среде существуют разные взгляды на движение: в зарубежной историографии развитие Хезболлы зачастую рассматривается через призму внешних факторов в векторе влияния Исламской республики Иран (М. Крамер, Ж. Кепель), другие же исследователи принимают в качестве основы Хезболлы внутренние социо-политические причины (О.Р. Нортон и др.). В отечественной историографии заметен переход от изучения Хезболлы как сугубо исламистского движения (А.А. Игнатенко и др.) к анализу движения как самостоятельного субъекта, ставшего результатом формирования самосознания шиитского сообщества Ливана в условиях системы конфессионализма (М.З. Ражбадинов, В.М. Ахмедов, А.В. Сарабьев). Настоящее исследование также выступает в пользу данного подхода.

Хезболла была образована как военное формирование, объединяющее разрозненные шиитские группировки прохомейнистской направленности. Негласной датой учреждения Хезболлы считается 1982 г., и, определенно, катализатором этого события стало масштабное вторжение Израиля на территорию южного Ливана в том же году. Непосредственное кураторство в создании Хезболлы приняла Исламская республика Иран и КСИР, однако нельзя утверждать, что это был абсолютно чуждый и навязанный иностранный проект – напротив, идеи как ливанских, так и иракских шиитских богословов, так или иначе связанных с Рухоллой Хомейни, были довольно популярны среди шиитского населения, по большей части маргинализованного и уставшего от тяжелого экономического положения или военных действий. Кроме того, в течение десятилетия после 1979 г. Тегеран стремился реализовать идею «экспорта исламской революции», для реализации которой хорошо подходило неблагополучное в социально-экономическом и представительском плане шиитское сообщество Ливана.

Неготовность мириться с неблагоприятными социально-политическими условиями жизни шиитского сообщества Ливана нашло свое отражение в программном документе Хезболлы – «Открытом письме, адресованном угнетенным Ливана и всего мира» [22], опубликованном 16 февраля 1985 г. Лейтмотивом документа являлась концепция Р. Хомейни «обездоленные» – «высокомерные», которой объясняется бедственное положение всех мусульман мира, страдающих как от капиталистических, так и от коммунистических угнетателей. В документе декларировалось нежелание Хезболлы мириться с системой конфессионализма – основой ливанской политической системы, предполагающей распределение государственной власти пропорционально конфессиональному составу населения. Причастность к партийной организации отрицалась: «мы не являемся организованной и закрытой партией, точно так же, как и не

являемся мы сугубо политическими партийными работниками. Мы – умма, связанная с мусульманами всего мира...» [22].

В документе Хезболла четко выступала за исключительное мусульманское управление и коренную перестройку имеющейся системы: «ибо если вы [христиане] настроены мирно, то вы продолжите жить среди нас, и никто даже не подумает о том, чтобы побеспокоить вас. <...> Мы не желаем вам зла. Мы призываем вас принять ислам, ведь это осчастливит вас, но если же вы отказываетесь, то поддерживайте свои связи с мусульманами и не принимайте участия ни в чем, что направлено против них» [22]. В манифесте также не приводилось цитирования Корана, а религиозность документа была ограничена редкими ссылками на исламские догмы.

Несмотря на то, что в течение семи следующих лет манифест устарел в связи с внутренней перестройкой и переориентацией Хезболлы в сторону более институциональных методов деятельности, он сыграл огромную роль в определении первоначального характера движения и заложил идеологический фундамент организации.

Примечательно, что между датой создания Хезболлы и датой объявления программы прошло три года, что подтверждает то, что первоначально цель обороны Ливана и освобождения юга страны от израильских войск была в приоритете над другими направлениями деятельности. Со слов одного из высокопоставленных офицеров, сопротивление Хезболлы было призвано «развеять миф о непобедимости Израиля» [17, с. 518].

Можно утверждать, что в 1980-х гг. Хезболла отказывалась участвовать в политическом процессе поскольку это бы подразумевало признание легитимности политической системы Ливана самой Хезболлой. По мнению М.З. Ражбадинова, «...неприемлемость участия в политическом диалоге с государством отражает не их [исламистов] идейный фанатизм, а убежденность в том, что правящие режимы просто не предоставляют и малейшего шанса для такого диалога» [8, с. 12], что также применимо и к Хезболле, отрицавшей сам факт системы конфессионализма ввиду более слабого политического представительства шиитов по сравнению с суннитами и христианами.

По некоторым данным, в 1980–1990 гг. Хезболла ежемесячно получала от Ирана примерно 4,5 млн ливанских фунтов [5, с. 45], которые шли, в том числе, и на выплаты семьям погибших ополченцев. Жиль Кепель полагает [6, с. 129], что именно внешнее финансирование отстранило Хезболлу от внутренней политики Ливана и лишило организацию необходимости завоевывать электорат. Этот тезис, однако, не способен объяснить качественное изменение политического курса Хезболлы, произошедшего в 1990-х гг. при сохранении поступления материальных средств из Ирана. Период 1982–1992 гг. действительно был наиболее радикальным, но причины этому кроются, в первую очередь, в гражданской войне и в ее влиянии на условия жизни шиитской общины, в частности.

Хезболлу первой половины 1980-х гг. позволительно считать организацией, состоящей из более мелких группировок. Большинство шиитских ополчений прохоемнистской направленности 1980-х гг., пусть и обладали отдельными претензиями друг к другу, но находились в схожих социально-политических условиях и пользовались схожим идеологическим фоном. Процесс гомогенизации Хезболлы был постепенным и принес ощутимые плоды лишь к моменту окончания гражданской войны и подписанию в сентябре 1989 г. Таифских соглашений.

С начала 1990-х гг., после окончания гражданской войны в Ливане, начинается новый этап развития Хезболлы – трансформация маргинализированного военизированного движения в политическую партию, обладающую военным крылом. Примечательно, что по Таифским соглашениям 1989 г., постановляющим разоружить все ливанские и неливанские группировки, Хезболла в конечном итоге осталась единственным шиитским движением, сохранившим свое ополчение и вооружение, не подчиненное государству [2, с. 16]. Важным шагом к этому стали также Дамасские соглашения 1990 г., завершившие военное противостояние Хезболлы и Амаль, другой крупной шиитской группировки, также претендовавшей на представление интересов и защиту шиитов Ливана.

Согласно Таифским соглашениям [21], в Ливане предполагалось проведение долгосрочных политических реформ, направленных на полное упразднение системы конфессионализма (учреждение верхней палаты Парламента, реформирование Палаты депутатов, избирательные реформы, административная децентрализация, отмена большинства конфессиональных квот и критериев и др.). Однако реформы не были реализованы – Парламенту удалось принять лишь немногочисленные поправки к конституции (1990 г.), которые перераспределяли часть президентских полномочий и изменяли соотношение представительства духовных общин в Палате депутатов [4, с. 385].

В 1992 г. сменилась партийная элита: преемником убитого генерального секретаря организации стал уроженец южного Ливана Хасан Насрулла (ар. حسن نصر الله), его заместитель, Наим Кассам (ар. نعيم قاسم), ставший впоследствии одним из главных идеологов Хезболлы. В том же году Хезболла приняла участие в парламентских выборах с уже менее резкой риторикой, и, начиная с 1992 г., ни в одной предвыборной программе Хезболлы на муниципальных или парламентских выборах не декларировались прямого и открытого намерения построения исламского государства [3, с. 31]. После 1997 г., когда из Хезболлы была исключена оппозиционно настроенная часть под руководством первого генерального секретаря движения Субхи ат-Туфайли (ар. صبحي الطفيلي), чьи взгляды на участие в выборах и общий курс Хезболлы отличались в более радикальную сторону, внутренние разногласия по поводу баланса между политикой и военным сопротивлением прекратились, а власть оказалась консолидирована в руках Хасана Насруллы.

В 1995 г. в рамках административного аппарата Хезболлы был создан Совет джихада, исполнительный орган в подчинении главного руководящего органа – Совета шуры. Учреждение Совета джихада как конкретного органа, регулирующего всю военную сферу

организации от подготовки кадров до проведения военных операций, ознаменовало реструктуризацию Хезболлы – фактическое разделение движения на военное и политическое крылья. При этом, с юридической точки зрения Хезболла остается единой организацией. Представляется уместным связать реструктуризацию движения с постепенным его включением в легальное политическое поле, а также с необходимостью повышения статуса партизанских ополчений до гомогенизированной и оснащенной полурегулярной кадровой армии.

В конце XX – начале XXI вв. Хезболла постепенно отошла от прежних принципов и изменила свой политический курс в более прагматичную и национальную сторону. В 2009 г. организация издала новую политическую программу – «политический документ» или «аль-Вафика ас-сийасийа» (ар. الوثيقة السياسية) [22], которая уже практически не затрагивала религиозные вопросы. В тексте программы часто использовались производные от слова «национализм» (ар. قومية) или «Родина» (ар. وطن), во второй главе употреблялись термины «национальные [ливанские] интересы» (ар. المصالح القومية), «национальные [ливанские] проблемы» (ар. القضايا القومية), а также «национальная [ливанская] ответственность» (ар. المسؤولية القومية), которую Хезболла вынуждена принять на себя по причине израильской опасности. При этом, «национальные противоречия между курдами, турками, иранцами и арабами» (ар. التناقضات القومية) назывались угрозой сплоченности «наших обществ», под которыми, вероятнее всего, понимались все арабские нации и ближневосточный социум.

Программа сместила фокус с упразднения системы конфессионализма на его реформирование. Так, во второй главе аль-Вафики, посвященной взглядам на политическую систему, указывался наиболее предпочтительный режим государственного устройства – консенсусная демократия (ар.: الديمقراطية التوافقية), характеризующаяся свободным формированием разных групп населения, их гарантированным голосом в политике, равным пропорциональным представительством в законодательной и исполнительной ветвях власти, а также широкими административными полномочиями в рамках имеющегося унитарного государства. Фактически, эти положения повторяли часть реформ Таифских соглашений, за одним лишь исключением – если Таифские соглашения ставили своей целью полную отмену системы конфессионализма (пусть и поэтапную, в долгосрочной перспективе), то в программе Хезболлы речь идет только о ее реформировании, что говорит о принятии Хезболлой политических реалий современного Ливана.

Эволюция идеи «ливанской нации» в дискурсе Хезболлы привела к принятию концепции «гражданства» (ар. مواطن), что существенно изменило тональность программы 2009 г. («мы с другими ливанцами»). Если ранее Хезболла декларировала стремление к созданию государства, управляемого мусульманами и основанного на шариате и иных исламских нормах, то в программе 2009 г. образ будущего устройства Ливана строится на принципах гражданского равенства, независимо от регионов происхождения, мировоззрения и вероисповеданий [22]. Фактически, это означало признание Хезболлой

легитимности светского законодательства и многоконфессиональной природы Ливана. Несмотря на то, что концепция исламского государства и иные исламские элементы по-прежнему активно используются в партийной риторике как отдаленный идеал, в практической плоскости Хезболла приняла существующую государственно-правовую модель.

Слово «шухада'» встречается в тексте программы всего четыре раза – и те употребления связаны лишь с данью памяти: «Ливан – это Родина, ради суверенитета, чести, достоинства и освобождения которой мы принесли самые большие жертвы и самых дорогих мучеников» [22]. Программа 2009 г. значительным образом отличается от открытого письма 1985 г. как в плане религиозности, так и в плане воинственности.

Самопрезентация Хезболлы претерпела некоторые изменения. Если ранее движение позиционировало себя исключительно как защитника шиитских народных масс, что, в целом, подтверждалось результатами социологических опросов, по которым большинство респондентов, поддерживающих Хезболлу, характеризовались либо низким социально-экономическим статусом, либо отсутствием начального или среднего образования и др. [15], то после публикации программы 2009 г. Хезболла уже называла себя защитником ливанской нации. Расширение фокуса до всех ливанцев закрепило прагматизацию курса и ориентацию на удержание и увеличение электората, поскольку уже в первой половине 2000-х гг. имелись свидетельства оказания Хезболлой социальной помощи не только шиитам, но и суннитам или даже христианам, проживающим в шиитских районах, поддерживающих Хезболлу [7, с. 75]. Такого, однако, не происходило в районах с преобладающим нешиитским населением, что обосновывается возможными претензиями к Хезболле со стороны других духовных общин.

Процесс институционализации Хезболлы также нашел свое отражение в переходе организации к стратегии формирования политических блоков. Одним из первых примеров стало создание коалиции с партией Амаль. Если ранее эти движения вели борьбу за доминирование в шиитской среде, то на парламентских выборах 2000 г. их объединение позволило получить значительный вес в Палате депутатов, установив контроль почти над четвертью всех мандатов, а на выборах 2005 г. [1] – даже привело к вхождению представителя Хезболлы в состав Правительства на пост министра энергетики и водных ресурсов [9, с. 49], что было беспрецедентным успехом для движения.

В политическом плане 2005 г. стал для Ливана переломным: 14 февраля в Бейруте был взорван кортеж бывшего премьер-министра и влиятельного политика Рафика аль-Харири. Большинство суннитских, христианских и друзских сил, а также ряд западных стран (США, Франция и др.) обвинили в убийстве сирийские спецслужбы, связав это с затяжным периодом сирийского влияния на политическую жизнь Ливана. Смерть Рафика аль-Харири привела к масштабным антисирийским восстаниям, преследовавшим цель отставки правительства и полного вывода сирийских войск из Ливана в соответствии с резолюцией Совета безопасности ООН № 1559 от 2 сентября 2004 г.

В качестве ответной реакции на трехнедельные антисирийские демонстрации, 8 марта 2005 г. шиитскими партиями Хезболла и Амаль был инициирован митинг в поддержку Сирии, против резолюции ООН и «иностранного» (в частности, американского) вмешательства во внутренние дела Ливана. Протесты поддержало просирийское маронитское движение «Марада» во главе с Сулейманом Франжье. Эта дата послужила символической точкой для дальнейшего оформления политического блока под названием «Коалиция 8 марта», включающего совершенно разные по своей природе политические партии, объединенные общей идеей политического взаимодействия с Сирией.

Спустя почти неделю, 14 марта 2005 г., антисирийские силы организовали еще один митинг за вывод сирийских войск из Ливана. Протестная активность, объединение христианских и суннитских сил, международное давление и опасения перед возможностью американской интервенции в Сирию побудили Башара Асада вывести войска из Ливана. В рамках подготовки к парламентским выборам, в апреле 2005 г. суннитское движение «аль-Мустакбаль» (семейство аль-Харири), маронитские партии «Ливанские силы» и «Катаиб» (семейство Жмайель), а также дружеская «Прогрессивно-социалистическая партия» (семейство Джумблат) объединились в политический блок «Коалиция 14 марта». С 2005 г. и до конца 2010-х гг. ливанская политика оказалась разделена по блоковому (пусть и нестабильному) принципу.

В 2006 г. Хезболла установила контакты с одной из христианских политических сил – Свободным патриотическим движением под лидерством Мишеля Ауна. Между партиями был подписан Меморандум о взаимопонимании, оформивший рамки их стратегического сближения. Изначально мотивированное необходимостью противостояния политическому блоку «Коалиция 14 марта», взаимодействие Хезболлы и СПД постепенно трансформировалось в дипломатическое и политическое партнерство [20], которое продолжилось и в 2010-х гг.

Окончательным моментом встраивания Хезболлы в политическую систему Ливана можно назвать политический кризис 2014–2016 гг., связанный с невозможностью Парламента избрать президента по причине недостаточности парламентского кворума. Хезболла и СПД систематически, на протяжении двух лет бойкотировали или покидали сессии, принуждая оппозиционные им партии поддержать кандидата от СПД Мишеля Ауна. Несмотря на то, что Хезболла и СПД составляют основу «Коалиции 8 марта», называть это бойкотом со стороны всего блока некорректно, поскольку Амаль, также входивший в коалицию, занимал иную позицию. Набих Берри, глава Амаль и спикер Парламента с 1992 г., критиковал бойкот Хезболлы и СПД за нарушение работы государственных институтов, но и выступал в пользу других кандидатов, не проголосовав за Мишеля Ауна даже на финальном собрании в октябре 2016 г. Коалиция 14 марта, в свою очередь, оказалась неспособна договориться о кандидатах – Саад Харири, лидер «аль-Мустакбаль», сначала выдвинул кандидатуру просирийского христианского политика Сулеймана Франжье, что не устроило главу партии «Ливанские силы» Самира Джааджаа,

который пошел на компромисс и поддержал оппозиционного ему кандидата Мишеля Ауна. После подобного шага сам Саад Харири также был вынужден проголосовать за Ауна.

Бойкот, инициированный Хезболлой и СПД, фактически парализовал работу парламента на 2,5 года, поскольку депутаты не могли заниматься законотворчеством или утверждать бюджет. В условиях отсутствия фигуры президента, его полномочия перешли к Правительству как к коллективному органу исполнительной власти, однако Правительство также не могло осуществлять функции на должном уровне из-за примерно равной представленности среди министров членов «Коалиции 8 марта» и «Коалиции 14 марта», блокировавших принятие решений консенсусом. Стороны не могли договориться даже о продлении контрактов с подрядчиками на вывоз мусора из Бейрута, что привело к так называемому «мусорному кризису».

Иными словами, Хезболла при помощи институциональных методов в течение более чем двух лет влияла на политическую систему Ливана, подчиняя ее своим прагматичным интересам. Вопрос о том, насколько такие действия служили национальным интересам, остается дискуссионным, однако весь кейс политического кризиса 2014–2016 гг. демонстрирует отход политического крыла Хезболлы от идеологизированности в пользу выгодных союзов с различными политическими силами.

Во внешней политике Хезболла также была вынуждена балансировать между идеологией и политическим прагматизмом, что проявлялось в решении уже упомянутого сирийского вопроса. Демонстрации Арабской весны, были интерпретированы Хезболлой как пробуждение угнетенных мусульман против прозападных политических диктатур [10, с. 194], в чём прослеживаются определенные параллели с Исламской революцией 1979 г. в Иране. Однако, когда события Арабской весны затронули и Сирию, Хезболле пришлось радикальным образом изменить свою риторику, встав на сторону союзнического режима Башара Асада и связав протесты не с народными восстаниями, а с деятельностью радикальных террористических групп, стремящихся захватить власть в стране [10, с. 194].

Несмотря на шиитский характер организации, Хезболла активно устанавливала контакты с исламистскими суннитскими движениями, которые разделяли ее антизападную и антиколониалистскую риторику и, что не менее важно, могли оказать поддержку или поделиться боевым опытом. Если в XX в. отношения Хезболлы с суннитскими группировками Ливана (в особенности с салафитскими и фундаменталистскими движениями) носили, по большей части, характер идеологической конкуренции, то в XXI в. Хезболла перешла к разграничению идеологии и политических выгод.

Имеются свидетельства о связи Хезболлы и Движения исламского таухида (ар. حركة التوحيد الإسلامي) под руководством Саида Шаабана [13] – радикальной суннитской организации, организованной в 1982 г. в ливанском Триполи и даже захватившей власть в городе на непродолжительное время не без помощи иранской материальной поддержки и инструкторов из КСИР.

Наиболее ярким примером сотрудничества Хезболлы и суннитских группировок является взаимодействие с палестинским ХАМАС с 1992 г., когда Израиль, в ответ на убийство израильского полицейского в декабре этого года, депортировал в Южный Ливан 415 палестинцев [19], подозреваемых в связях с ХАМАС. Местом, где укрылись палестинцы, стал лагерь близ деревни Мардж аз-Зухур (ар. مرجع الزهور). Во время пребывания в лагере между палестинцами с одной стороны и Хезболлой и КСИР с другой были установлены тесные контакты: практически сразу Иран пожертвовал палестинцам два автомобиля и несколько генераторов, а высокопоставленные офицеры КСИР не только организовывали за свой счет ифтар во время Рамадана, но и сами принимали участие в трапезах вместе с палестинцами [11, с. 410]. Предположительно, боевики Хезболлы и офицеры КСИР также делились боевым опытом с депортированными, а уже в 1993 г. представители ХАМАС отправились в Иран, где прошли подготовку по обращению с оружием и созданию взрывчатых веществ [11, с. 411]. С того времени ХАМАС и Хезболла стали стратегическими союзниками в борьбе с Израилем, регулярно координируя свои боевые действия, обмениваясь опытом, технологиями и данными.

После начала гражданской войны в Сирии Хезболла поддержала действующего президента Башара Асада, а ХАМАС – оппозиционные силы, что привело к дистанцированию движений друг от друга. Военно-политическая поддержка режима Башара Асада детерминировала резкую эскалацию межконфессиональных противоречий и привела к разрыву стратегических связей Хезболлы с ведущими суннитскими исламистскими организациями региона. С 2016 г. взаимодействие Хезболлы и ХАМАС стало более ориентировано на прагматизм и сопротивление Израилю – сирийский вопрос оказался вынесен за скобки этого сотрудничества.

Применительно к прочим суннитским исламистским организациям политика Хезболлы разнится в зависимости от степени их фундаментализма, их позиции по отношению к Башару Асаду или оппозиционным Хезболле суннитским политическим силам Ливана, и иных факторов. Трудно утверждать, что Хезболла руководствуется одной лишь идеологией – речь идет о совокупности политических и религиозных факторов, отвечающих или не отвечающих прагматическим интересам движения.

Интеграция Хезболлы в институциональное поле Ливана в 1982–2016 гг. свидетельствует о последовательном смещении приоритетов организации в сторону прагматизма и национальной повестки. Примечательно, что это проявляется даже на уровне церемониала: например, во время торжественных мероприятий Хезболла использует как собственные атрибуты, так и государственные символы Ливана (флаг, гимн) [14, с. 132].

Тем не менее, нельзя утверждать, что Хезболла стала полностью национальной партией и отказалась от исламизма как от идеологии – позволительно скорее говорить об адаптации исламистской риторики под потребности легальной политической борьбы. Исламские элементы продолжили выступать инструментом удержания и мобилизации электората, а также легитимации особого статуса организации внутри Ливана.

Представляется возможным выделить четыре основных направления деятельности Хезболлы, призванных поддерживать исламский образ движения: это (1) идея сопротивления; (2) оказание социальной поддержки и гуманитарной помощи шиитскому сообществу; (3) продвижение религиозной повестки в сфере образования и масс-медиа; и (4) концепция мученичества.

Сопротивление (ар. مقاومة) предполагает борьбу: если изначально идея сопротивления у Хезболлы была окаймлена сугубо религиозными рамками арабо-израильского конфликта и защиты ливанских границ, то со временем Хезболла стала использовать идею сопротивления применительно к внутривосточной борьбе, включая многочисленные ливанские политические кризисы. Неизменна осталась только связь условного мученика с идеей сопротивления. Противостояние Израилю по-прежнему концептуализируется организацией как джихад. Примечательно, что если внутренний дискурс Хезболлы стал более политико-ориентированным, то внешнеполитическая риторика, касающаяся Израиля, США и палестинского вопроса, сохраняет присущий исламу антагонизм.

Социальная помощь апеллирует к свойственным исламу мотивам общественной взаимовыручки и справедливости. Помощь такого рода обычно включает в себя не только гуманитарные и благотворительные акции, но и строительство жилых зданий и социальных объектов, выдачу беспроцентных займов, материальные компенсации родственникам погибших бойцов и др. Дэвид Кук упоминает, что шиитская сеть поддержки семей и детей мучеников, сформировавшаяся в Ливане более чем за 30 лет, не похожа ни на одну другую аналогичную сеть в мусульманском мире по уровню своей организации и качеству оказываемой социальной помощи [12, с. 141].

Широкое продвижение идеологизированной религиозной повестки реализуется как через формирование, финансирование и кураторство образовательных учреждений (средних общеобразовательных школ, техникумов, институтов), так и при помощи медийных ресурсов организации. Значимость этого направления для Хезболлы подтверждается ее расходами на просвещение: в 2000–2001 гг. они составили 3,5 млн долларов США, что было практически в семь раз больше государственных расходов по аналогичной статье (540 тыс. долларов США) [7, с. 72]. Стоит подчеркнуть, что наряду со светским и религиозным компонентами образования учебные программы для обучающихся включают курсы по политико-идеологической подготовке и доктринальной литературе организации. [7, с. 72]. Религиозность масс-медиа также призвана поддержать исламскую идентичность Хезболлы на фоне ее глубокой интеграции в светскую политическую систему. Программная политика телеканала «аль-Манар TV» нацелена на создание единого телевизионного пространства, где сугубо исламский контент (беседы с богословами, поминание мучеников, религиозные песнопения, чтение Корана и т. д.) эклектичным образом пересекается с бытовыми и развлекательными передачами, коммерческой рекламой. Подобная стратегия вещания позволяет Хезболле транслировать электорату

неизменность исламского облика движения, в то время как реальный политический курс выстраивается уже на позициях прагматизма, а не исламистских догм.

В рамках концепции мученичества, Хезболла конструирует собственный нарратив, в которой события прошлого (преимущественно, военные) неразрывно связаны с современностью через историческую память о павших мучениках, что формирует идеологическую преемственность ранней (исламистской) и современной (прагматической, национальной) Хезболлы для электората. Воспоминания о мучениках успешно ложатся на развитое в шиизме чувственное восприятие, что приводит к распространению среди сторонников Хезболлы определенных этических правил и ценностей. В деревнях, селах и городских кварталах, где сильны симпатии к Хезболле, можно нередко встретить наклеенные на фонарные столбы или стены фотографии мучеников [16, с. 82]. Подобная визуальная репрезентация играет большую роль в процессе постоянного поминания мучеников, укреплении лояльности электората, и легитимации Хезболлы в шиитской среде в целом.

Таким образом, период 1982–2016 гг. является ключевым этапом в развитии Хезболлы, оформившим трансформацию движения из разрозненных военизированных группировок, объединенных схожей идеологией революционного шиизма и недовольством социально-политическими условиями шиитского сообщества Ливана, до системного движения, совмещающего военное крыло и политическую партию, не только включенную в легальное политическое поле, но и активно влияющую на него. Катализатором такого развития выступила целая совокупность факторов: окончание гражданской войны, подписание Таифских и Дамасских соглашений, смена руководства движения, консолидация власти в руках Хасана Насруллы, создание Совета джихада, а также системообразующий переход от декларативного отказа от взаимодействия с ливанской политической системой к стратегии организации политических коалиций и участию в парламентских выборах, что позволило Хезболле оказывать давление на кворум.

Сравнительный анализ программных документов 1985 г. и 2009 г. демонстрирует качественное изменение идеологии движения – если манифест 1985 г. был написан в векторе концепции Р. Хомейни «обездоленные» – «высокомерные» и транслировал идеи экспорта исламской революции, свержения системы конфессионализма и создания исламского государства, то документ 2009 г. уже представляет собой структурированную политическую программу, оперирующую категориями нации, национальных интересов, гражданства, консенсусной демократии, и призывающую не к слоу системы, но к ее реформированию. Именно после публикации программы 2009 г. можно говорить о том, что Хезболла признала легитимность системы конфессионализма не только де-факто, но и де-юре.

Тем не менее, трансформация Хезболлы в национально-ориентированную партию не привела к деидеологизации движения в части исламизма. Хезболла выстроила своего рода адаптивную модель, при которой религиозные (социальная помощь, религиозное

просвещение и др.) и исламистские (сопротивление, мученичество и др.) концепты были превращены в инструменты легитимации движения и удержания электората за счет поддержания исламской идентичности в условиях сосуществования различных риторик политического и военного крыльев одной и той же организации. Хезболла продемонстрировала способность разделять «идеологическое» и «политическое», и подобная амбивалентность риторик отражает сохранение внешней религиозно-идеологической идентичности при фактическом внутреннем прагматизме, что позволило движению стать ключевым субъектом ливанской политики, не потеряв при этом поддержки шиитского сообщества.

С позиций сегодняшнего дня можно сказать, что период 1982–2016 гг. действительно был периодом фактического становления Хезболлы как институциональной политической силы. С 2024 г. движение пребывает в глубоком кризисе, вызванном как убийством Хасана Насруллы израильскими спецслужбами, так и последующим стремлением ливанского Правительства разоружить все неармейские группировки и лишить Хезболлу военного крыла. Хезболла столкнулась с ослаблением двух ключевых факторов, обуславливавших ее политическое влияние – института харизматичного лидерства и легитимности военного сопротивления Израилю, что ослабило также социально-религиозную повестку, выстроенную на фигуре Хасана Насруллы и последствиях военных действий.

Литература

1. Александров А.И. Ливан: противостояние политических коалиций // Институт Ближнего Востока. 2013. URL: <http://www.iimes.ru/?p=17826>.
2. Ахмедов В.М. Ливанская «Хезболла» как «центр силы» на Ближнем Востоке // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке: сборник М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. С. 11-34.
3. Беренкова Н.А., Корнилов А.А. Идея исламского государства в политической идеологии и программе организации Хезболла // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2013. №1. С. 28-33.
4. Горбунова Н. Перманентный кризис в Ливане: роль этноконфессионального фактора // Нации и национализм на Мусульманском Востоке: сборник / под ред. В.Я. Белокреницкого [и др.]. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 384-390.
5. Игнатенко А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М.: Наука, 1988. 205 с.
6. Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004. 466 с.
7. Кузнецов А.А. Движение «Хизбалла» в Ливане в 2006–2021 годах: исламский национализм и борьба за выживание страны. М.: Институт Ближнего Востока, 2022. 314 с.
8. Ражбадинов М.З. Египетское движение «Братьев-мусульман». М.: Институт востоковедения РАН, 2004. 431 с.
9. Цыганок А.Д. Русский взгляд на израильские войны: Вторая Ливанская – 2006 и в секторе Газа – 2009. М.: АИРО-XXI; Крафт+, 2012. 349 с.

10. Alagha J. Hezbollah and the Arab Spring // *Contemporary Review of the Middle East*. 2014. Vol. 1, № 2. P. 189-206. <https://doi.org/10.1177/2347798914532730>.
11. Ben-Dror E. We Were Getting Close to God, Not Deportees: The Expulsion to Marj al-Zuhur in 1992 as a Milestone in the Rise of Hamas // *Middle East Journal*. Autumn 2020. Vol. 74. No. 3. pp. 399-416. <https://doi.org/10.3751/74.3.13>.
12. Cook D. *Martyrdom in Islam*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 206 p.
13. Hamzeh A.N. *Islamism in Lebanon: A Guide* // *Middle East Review of International Affairs*. 1997. Vol. 1, № 3. URL: <https://clck.ru/3Vy8zV>
14. Høigilt J. Islamism, Pluralism and the Palestine Question: The Case of Hizbullah // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2007. Vol. 34, №2. P. 123-136. <https://doi.org/10.1080/13530190701427859>.
15. Kanaaneh A. The Hegemony of Resistance: Hezbollah and the Forging of a National-Popular Will in Lebanon // *Middle East Critique*. 2024. Vol. 33, №1. C. 3-24. <https://doi.org/10.1080/19436149.2023.2249344>.
16. Kepel G. *Beyond Terror and Martyrdom: the Future of the Middle East*. London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2008. 328 p.
17. *The Oxford Handbook of Islam and Politics* / Ed. by J.L. Esposito [et al.]. Oxford: Oxford University Press, 2013. 684 p.
18. The Hizballah Program) // International Institute for Counter-Terrorism (ICT). An Open Letter. The Jerusalem Quarterly 1/1/1988. URL: <https://www.ict.org.il/UserFiles/The%20Hizballah%20Program%20-%20An%20Open%20Letter.pdf>.
19. Deportees spend New Year's Day in wilderness // United Press International Archives. URL: <https://clck.ru/3Vy9FJ>
20. Hezbollah: Revolutionary Iran's most successful export // The Brookings Institution, 2019. URL: <https://clck.ru/3Vy9HM>
21. The Taif Agreement 1989 // United Nations Permanent Missions. <https://clck.ru/3Vy9NK>
22. Al-Wathiqa al-Siyasiyya li-Hizbullah [The Political Document of Hezbollah]. (2009). Al-Muqawama al-Islamiyya – Lubnan [Islamic Resistance – Lebanon]. <https://web.archive.org/web/20220517032747/https://www.moqawama.org/essaydetailsf.php?eid=16245&fid=47>

References

1. Aleksandrov, A.I. (2013). Livan: protivostoyanie politicheskix koalitsij. Institut Blizhnego Vostoka. <http://www.iimes.ru/?p=17826>. (in Russ.).
2. Axmedov, V.M. (2001). Livanskaya «Xezbolla» kak «centr sily» na Blizhnem Vostoke. *Islamizm i ekstremizm na Blizhnem Vostoke: sbornik*. Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka. 11-34. (in Russ.).
3. Berenkova, N.A., & Kornilov, A.A. (2013). Ideya islamskogo gosudarstva v politicheskoy ideologii i programme organizatsii Xezbolla. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya, (1), 28-33. (in Russ.).
4. Gorbunova, N. (2015). Permanentnyj krizis v Livane: rol etnokonfessionalnogo faktora. *Nacii i nacionalizm na musul'manskom Vostoke: sbornik*. Institut vostokovedeniya RAN. 384-390. (in Russ.).

5. Ignatenko, A. A. (1988). *Xalify bez xalifata. Islamskie nepravitelstvenny'e religiozno-politicheskie organizacii na Blizhnem Vostoke* [Caliphs without a caliphate. Islamic non-governmental religious-political organizations in the Middle East]. Nauka.
6. Kepel, Zh. (2004). *Dzhixad: ekspansiya i zakat islamizma*. Lodomir. 466 p. (in Russ.).
7. Kuznecov, A.A. (2022). *Dvizhenie «Xizballa» v Livane v 2006–2021 godax: islamskij nacionalizm i borba za vyzhivanie strany`*. Institut Blizhnego Vostoka. 314 p. (in Russ.).
8. Razhbadinov, M.Z. (2003). *Egipetskoe dvizhenie «Bratev-musulman»*. Institut vostokovedeniya RAN. (in Russ.).
9. Cyganok, A.D. (2012). *Russkij vzglyad na izrail'skie vojny`*: Vtoraya Livanskaya – 2006 i v sektore Gaza – 2009. M.: AIRO-XXI; Kraft+, 349 s. (in Russ.).
10. Alagha, J. (2014). Hezbollah and the Arab Spring. *Contemporary Review of the Middle East*, 1(2), 189-206. <https://doi.org/10.1177/2347798914532730>.
11. Ben-Dror, E. (2020). We Were Getting Close to God, Not Deportees: The Expulsion to Marj al-Zuhur in 1992 as a Milestone in the Rise of Hamas. *Middle East Journal*. Autumn 2020. Vol. 74. No. 3. pp. 399-416. <https://doi.org/10.3751/74.3.13>.
12. Cook, D. (2007). *Martyrdom in Islam*. Cambridge: Cambridge University Press, 206 p.
13. Hamzeh, A.N. (1997). Islamism in Lebanon: A Guide. *Middle East Review of International Affairs*. Vol. 1, № 3 <https://clck.ru/3Vy8zV>
14. Høigilt, J. (2007). Islamism, Pluralism and the Palestine Question: The Case of Hizbullah. *British Journal of Middle Eastern Studies*. Vol. 34, №2. P. 123-136. <https://doi.org/10.1080/13530190701427859>.
15. Kanaaneh, A. (2024). The Hegemony of Resistance: Hezbollah and the Forging of a National-Popular Will in Lebanon. *Middle East Critique*. Vol. 33, №1. C. 3-24. <https://doi.org/10.1080/19436149.2023.2249344>.
16. Kepel, G. (2008). *Beyond Terror and Martyrdom: the Future of the Middle East*. London: The Belknap Press of Harvard University Press, 328 p.
17. The Oxford Handbook of Islam and Politics / Ed. by J.L. Esposito [et al.]. Oxford: Oxford University Press, 2013. 684 p.
18. The Hizballah Program // International Institute for Counter-Terrorism (ICT). An Open Letter. The Jerusalem Quarterly 1/1/1988. <https://www.ict.org.il/UserFiles/The%20Hizballah%20Program%20-%20An%20Open%20Letter.pdf>.
19. Deportees spend New Year's Day in wilderness // United Press International Archives. <https://clck.ru/3Vy9FJ>
20. Hezbollah: Revolutionary Iran's most successful export // The Brookings Institution, 2019. <https://clck.ru/3Vy9HM>
21. The Taif Agreement 1989 // United Nations Permanent Missions. <https://clck.ru/3Vy9NK>
22. Al-Wathiqa al-Siyasiyya li-Hizbullah [The Political Document of Hezbollah]. (2009). Al-Muqawama al-Islamiyya – Lubnan [Islamic Resistance – Lebanon]. <https://web.archive.org/web/20220517032747/https://www.moqawama.org/essaydetailsf.php?eid=16245&fid=47>

дата поступления: 17.02.2026

дата принятия: 22.05.2026

© Родецкий И.А., 2026